

На правах рукописи

Каратовская Вера Валентиновна

«НОРМАННСКАЯ ПРОБЛЕМА» И ОПЫТ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА
ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ИСТОРИОГРАФИИ
ДРЕВНЕРУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА
(1990-е – 2000-е гг.)

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2011

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории ФБГОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Трубникова Наталья Валерьевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Турнаев Валерий Иванович

кандидат исторических наук
Алексеев Алексей Иванович

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»**

Защита состоится 27 декабря 2011 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34, ауд.41.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а)

Автореферат разослан «__» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. «Норманнская проблема», являясь одним из ключевых и наиболее спорных моментов российской истории, вызывает стабильный интерес как научно-образовательного сообщества, так и широкой общественности. Современные историки все чаще высказывают мысль о том, что «норманизм» и «антинорманизм» как научно-концептуальная оппозиция давно мертвы, а как элементы политической позиции – будут возрождаться еще не раз¹. В последние годы внимание к вопросам становления Древнерусского государства в отечественной историографии даже усилилось. Общественный интерес к «норманнской проблеме» подогревается предстоящим в 2012 г. празднованием 1150-летия зарождения Российской государственности². В связи с этим особо актуальным представляется создание обобщающих работ по норманнской проблеме, позволяющих аккумулировать весь накопленный фактический и историографический материал по различным аспектам варяжского вопроса и определить перспективы дальнейшего развития указанной проблематики.

Вопрос о «чужеродности» раннесредневековой власти актуален не только в российской науке, являясь ключевым содержанием «норманнской проблемы», но и во многих других европейских национальных историографиях, в частности – в болгарской. Достижения современных российских исследователей в осмыслении механизмов государствообразования у восточных славян³ способны составить теоретическую основу для решения

¹ См. напр.: Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009. С. 199 - 200.

² Указом президента РФ от 3. 03. 2011 г. «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» условной датой юбилея назначено 12 июня.

³ Речь идет о внедрении моделей «вождества» и «раннего государства» в исследования древнерусского политогенеза и активном возрождении использования понятия «варварского государства» по отношению к державе Рюриковичей конца IX – первой половины X вв. См., напр.: Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41; Мельникова Е. А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 188 – 197; Шинаков Е.А.

норманнской проблемы, в то время как сравнительно-типологические исследования могут до определенной степени компенсировать недостаток исторической фактологии через применение метода научной экстраполяции, подвергая ревизии популярное в историографии мнение об «особом пути» развития древнерусской государственности.

Одним из важнейших факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования как у восточных, так и у южных славян, стала активная деятельность инородного, «ксенократического» элемента. Праболгары в Нижнем Подунавье в конце VII в., так же как и варяги в Восточной Европе во второй половине IX в. не только «подтолкнули» процессы формирования государственности у славян, но и придали им масштабность, ускорив межплеменную интеграцию на достаточно обширных пространствах. Как варяжский, так и праболгарский элементы были за сравнительно короткое время ассимилированы славянским населением, оставив по себе память в виде наименований «болгары» и «русь». Большинство названных особенностей до сих пор не исследовано комплексно в сопоставительном плане, хотя компаративный анализ многих характеристик социально-политической организации, административно-территориальной системы Древней Руси конца IX – середины X вв. и Болгарского ханства конца VII – середины IX вв. способен привести к принципиально новым выводам о ранней истории Руси и Болгарии, углубить понимание процессов европейского политогенеза в целом.

1990-е – 2000-е гг. в отечественной историографии характеризовались, с одной стороны, признанием за Русью конца IX в. и Болгарией конца VII в. признаков «варварских государств» и суперсложных вождеств⁴, с другой стороны, аргументацией положения о том, что на начальном этапе болгарская государственность строилась практически полностью на эволюции варварских

Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб, 1998.

⁴ См., напр.: Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства...; Котышев Д. М. Становление ранней государственности на юге Восточной Европы: историко-типологические проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 141 – 146; Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе...

потестарных институтов, не испытывая значительного византийского влияния, а напротив, в силу исторических условий основываясь на противопоставлении с византийской моделью⁵. Все это сформировало на рубеже XX – XXI вв. актуальность компаративного анализа государствообразующих процессов в целом, и проблемы «чужеродности» раннесредневековой власти в частности, на древнерусском и болгарском материале. Для оптимизации работы историков в данном направлении требуется актуализировать накопленный в исторической науке опыт.

Новизна диссертационного исследования состоит в обобщении теоретической модели изучения феномена чужеродности раннесредневековой власти и выявлении эвристического ресурса данной модели за счет проведения корректного сравнительного анализа историографии процессов государствогенеза Древней Руси и Болгарии.

Объект данной работы составляют историография и методология исследований феномена чужеродности власти в эпоху раннего средневековья.

Предмет исследования образуют способы концептуализации норманнской проблемы в современной историографии, включая возможности ее сравнения и генерализации с проблемой болгарского политогенеза.

Степень изученности проблемы. Весь массив научных исследований, наиболее тесно связанных с темой диссертации, можно условно объединить в три блока: российская, болгарская и западная историография. Западные исследования «варяжской» и «праболгарской» проблем, как правило, строятся не на историческом анализе письменных и археологических источников древнерусского и болгарского политогенеза, а на систематизации, обобщении и, частично, критике существующих «национальных» историографических традиций – российской и болгарской⁶. В связи с этим работы современных

⁵ Литаврин Г. Г. Византийская система власти и болгарская государственность // Раннефеодальные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры). С., 1991. С. 19 – 27; Божилов И. Седем етюда по Средновековна история. С., 1994. С. 3 – 34.

⁶ См. напр.: Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб, 2001; Янссон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 116 - 122.

западных авторов привлекаются в данном диссертационном исследовании в качестве внешнего, стороннего взгляда на «национальную» историографию возникновения государственности, а исследование современных научных дискуссий о древнерусской и болгарской раннесредневековой «ксенократии» опирается, главным образом, на наработки отечественной исторической науки в первой главе и болгарской – во второй главе.

В российской и болгарской историографии можно выделить ряд сходных этапов осмысления проблемы чужеродности власти в эпоху раннего средневековья.

История научного изучения «призвания чужеземных элит» в обеих национальных историографических традициях уходит корнями в XVIII век, и за время своего существования данная проблематика прошла сложное, противоречивое развитие. В историографии XVIII – первой половины XIX вв. было ярко выражено отождествление формирования государства с возникновением правящей династии. В связи с этим внимание исследователей было преимущественно сосредоточено на этнической принадлежности первых правителей, будь то славянские князья или болгарские ханы. Такое исследовательское предпочтение, связанное с признанием основателями государств «иноземцев» (варяжского князя Рюрика и праболгарского хана Аспаруха), неизбежно приводило в указанный историографический период к усиленной политизации вопроса о «начале» государственной истории.

Второй историографический этап в изучении данной проблематики можно обозначить хронологическими рамками середины XIX – начала XX вв. С одной стороны, это был период исследования государства как закономерного результата внутреннего (социально-экономического и политического) развития общества. С другой стороны, как в российской, так и в болгарской историографии происходили накопление и обработка основного массива фактических материалов (преимущественно из письменных источников), которыми до сегодняшнего дня оперируют историки. Со второй половины XIX в. в российской исторической науке и несколько позднее (ближе к началу

XX в.) в болгарской историографии утверждается представление о государстве как результате длительной эволюции общества, в связи с чем вопрос о «чужеродности элит» теряет неотъемлемую ранее привязку к патриотическим рассуждениям о национальной истории⁷.

В первой трети XX в. в отечественной историографии сформировалось представление о том, что следствием норманнской экспансии стало возникновение территориальных объединений в Восточной Европе, которые непосредственно предшествовали зарождению нового политического образования – Древней Руси. А. А. Шахматов пришел к выводу о создании норманнами государственности на севере и юге Восточной Европы⁸. Ю. В. Готье отмечал решающую роль норманнов в развитии восточноевропейских городских областей⁹. Следует отметить и вклад В. А. Брима в изучение роли варягов в развитии «Пути из варяг в греки» – магистрали, имевшей большое значение для становления первичной государственности Древней Руси. Исследователь показал, что данный путь основательно осваивался именно скандинавами¹⁰. В болгарской медиевистике второй половины XIX – начала XX вв. основные достижения в исследовании болгарского политогенеза (детальное изучение славяно-византийских отношений на Балканском полуострове до середины VII в., истории праболгар до середины VII в., включение в круг источников «Болгарской Апокрифической летописи» и археологических данных и т. д.) связаны с именами К. Иречека, В. Златарского, П. Мутафчиева¹¹.

В историографии домарксистского периода, таким образом, были раскрыты военно-политическая, торговая, культурная сторона деятельности

⁷ В российской историографии норманнский вопрос начинает терять спорный патриотический характер еще с началом XIX в. в связи с тем, что взамен «германских» государств – Швеции и Пруссии – главным внешнеполитическим противником России стала наполеоновская Франция.

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. М., 1908.

⁹ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 260 – 261.

¹⁰ Брим В. А. Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII. Сер. общ. наук. Вып. 2. 1931. С. 206 – 208.

¹¹ Иречек К. История на Българите / под ред. П. Петрова. София, 1978. С. 7 – 196; Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Т. 1. Първо Българско царство. Ч. 1. Епоха на хуно-българското надмощие. София, 1970. С. 39 – 209; Мутафчиев П. История на Българския народ (681 - 1323) / Под ред. В. Гюзелева. София, 1986.

«господствующих чужеземцев», варягов и праболгар, в ранней национальной истории. Кроме того, труды как российских, так и болгарских медиевистов второй половины XIX – начала XX вв. на десятилетия вперед обеспечили источниковую базу исследований.

Третий этап в изучении проблемы «чужеродности» раннесредневековой власти связан с внедрением марксистской методологии в исторические исследования в отечественной и, несколько позднее, в болгарской науке. В основе модели государствообразования в раннее средневековье, сложившейся в советский период, лежало представление о возникновении государства как изначально классовой и феодальной структуры, вызревающей исключительно на основе внутренних предпосылок. Как в советской, так и в болгарской социалистической историографии шли поиски государственных и классовых структур в славянских обществах в период ранее «призвания чужеродной элиты», плохо согласующиеся с данными письменных источников. В отечественной историографии тенденции отрицания сколько-нибудь значимого влияния «внешнего» фактора на процесс формирования государства были тесно связаны со становлением в конце 1940-х гг. школы Б. Д. Грекова. Древнерусское государство рассматривалось как продукт классового общества, раннефеодальная монархия, которая в XII в. распалась на ряд независимых и полунезависимых княжеств (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков). В рамках сходной схемы в болгарской исторической науке в конце 1950-х – начале 1960-х гг. общепризнанными причинами генезиса Болгарского государства стали социально-экономическое развитие славян и праболгар, усиление имущественного неравенства и появление классов, превращение племенных союзов в государственную организацию¹². В связи с этим в славянском военно-племенном объединении в Подунавье – союзе «Семь

¹² См., напр.: Андреев М., Ангелов Д. История Болгарского государства и права. М., 1962; Андреев М. България през средновековието. С., 1974; Петров П. Образуване на българската държава. С., 1981.

родов» – нередко усматривалось «первое славянское государство», сложившееся самостоятельно задолго до прихода праболгар¹³.

Начало четвертого этапа в развитии интересующей нас проблематики, связанного с постепенным отходом от «классической» марксистской концепции государствообразования и критикой неоправданно заниженной оценки «чужеродного фактора», можно отнести к 1960-м гг. в советской историографии¹⁴ и к концу 1970-х – 1980-м гг. в болгарской историографии¹⁵. В конце 1970-х гг. И. Я. Фроянов обосновал в своих исследованиях доклассовый характер древнерусского общества. «Варяги-русь» в отечественных исследованиях тех лет все чаще понимаются как надэтничный социальный слой с существенной или даже преобладающей долей норманнов. В это время в работах ряда советских медиевистов, востоковедов и этнографов формулируются новые методологические подходы к проблеме генезиса раннегосударственных образований, активно разрабатываются концепции «дофеодального» («варварского») и «раннефеодального» периодов.

Помимо разработки положений о переходном, «дофеодальном» периоде европейского средневековья, советские историки сформулировали «горизонтальную» типологию государственности этого переходного периода (Н. Ф. Колесницкий, А. Р. Корсунский, А. Я. Гуревич), разделив Западную и Центральную Европу на «синтезную» и «бессинтезную» зоны (по признаку наличия или отсутствия синтеза с позднеантичной цивилизацией). Параллельно шло типологическое исследование пространства между «Востоком» и «Западом» – Византии и связанных с ней Балканских стран, в ходе которого была выделена «контактная», по преимуществу славянская, зона между «синтезным» и «бессинтезным» регионами (В. Д. Королук). При этом следует отметить, что все новаторские идеи о способах трактовки феномена

¹³ См., напр.: Болгария – страна древних культур. София, 1961. С. 31, 32.

¹⁴ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1968. С. 176 – 177; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 596 – 617.

¹⁵ Божилов И. Седем етюда...

«чужеродности» власти, достаточно осторожно применялись по отношению к «норманнской проблеме», в то время как на примере балканского региона и в частности «праболгарской проблемы» формулировались гораздо более четко и последовательно.

Особую роль в указанный период сыграло становление международной исследовательской среды, результатом чего стали проводившиеся съезды славистов и болгаристов. В 1980-е гг. учеными сектора средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР были предприняты масштабные попытки реконструировать этническое самосознание славянских народов с VIII по XV вв. К примеру, в коллективной монографии «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» вопросы этногенеза оказались тесно переплетены с проблемами оформления ранних государственных образований¹⁶. Как представляется, на сегодняшний день вклад этой серии фундаментальных исследований¹⁷ в историческую науку недооценен более поздней генерацией ученых. К примеру, многие выводы советских исследователей тех лет (в частности, идея «многоуровневости» раннесредневекового этнического сознания) перекликаются с идеями этнологического конструктивизма и «Венской школы этнографии», нашедшими широкий отклик в трудах современных российских медиевистов.

В качестве последнего, пятого, этапа можно выделить современную российскую и болгарскую историографию. Для отечественной историографии этого периода (после 1991 г.) характерно активное обращение к концепциям государствообразования, предложенным в западной политической антропологии, в частности, адаптация моделей «вождества» и «раннего государства» к древнерусскому конкретно-историческому материалу. В работах ряда современных исследователей наметилось сближение традиционной схемы

¹⁶ См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М. 1982.

¹⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья...; Раннефеодальные государства на Балканах VI – XII вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1985; Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1987; Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.) М., 1991.

«племенное княжение – союз племенных княжений – суперсоюз племен» и модели «простое – сложное – суперсложное вождество». Окончательно утвердилось представление о формировании государства как о скачкообразном, неоднолинейном, этапированном процессе. Вместе с тем современные русисты все активнее оперируют понятием «варварское государство». В болгарской историографии 1990-х – 2000-х гг. заимствование политантропологических наработок проявляется гораздо слабее, чем в отечественной, однако очевиден массовый отказ исследователей от признания классовой обусловленности формирования Болгарского государства. Постепенно меняются и представления о характере южнославянского и праболгарского общества в эпоху раннего средневековья, подходы к пониманию ранней государственности, трактовка сущности и этапов политогенеза. Получает широкое распространение интерпретация Болгарского ханства конца VII – первой половины IX вв. как типичного для раннесредневековой Европы «варварского государства».

Е. А. Шинаков одним из первых провел стадиально-типологические параллели между Русью конца IX – середины X вв. и Болгарией конца VII – первой половины IX вв., отнеся оба потестарно-политических образования к «варварским» двухуровневым государствам этапа суперсложных вождеств, и выявил ряд типологически сходных механизмов формирования «варварской» государственности и ее трансформации в «раннее государство» в Болгарии и на Руси¹⁸. Ценность наблюдений данного автора для нашей темы исследования трудно преувеличить, однако необходимо заметить, что Е. А. Шинаков ограничивается лишь отдельными, наиболее яркими аналогиями в этно-потестарных и административно-территориальных «варварских» структурах Руси и Болгарии. «Болгарские параллели» в работе Е. А. Шинакова остаются контекстуальными, иллюстративными, предоставляя читателю скорее пищу для размышления, чем готовые ответы, и не выходят за рамки общей темы исследования – специфики образования Древнерусского государства.

¹⁸ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства...

Таким образом, вопросы «чужеродности» раннесредневековой власти занимают значительное место в трудах современных российских и болгарских исследователей, сфокусированных на решении, соответственно, «норманнской» и «праболгарской» проблем. Однако целостного компаративного анализа становления и развития «варварских» политических структур на Руси и в Болгарии не проводилось, равно как не исследовались в сопоставительном плане традиции исследований проблемы «чужеземной элиты», характерные для современной болгарской и российской историографии.

Целью данной работы является реконструкция способов концептуализации норманнской проблемы в современной историографии и создание обобщающей интерпретации на основе сравнительного анализа проблемы чужеродности власти в историографии болгарского политогенеза.

Поставленная цель определила решение следующих исследовательских **задач**:

1) проследить эволюцию основного содержания «норманнской проблемы» в отечественной историографии XVIII–XXI вв. и на этой основе выявить эвристический потенциал теоретических моделей «вождества» и «раннего государства» в исследовании древнерусского политогенеза;

2) определить современные историографические подходы к феномену «чужеродности» раннесредневековой власти;

3) выявить магистральные направления дискуссий о природе древнерусской государственности в современной отечественной историографии, в том числе, этнические аспекты исследования варяжского вопроса;

4) охарактеризовать ведущие тенденции отечественной историографии в изучении догосударственного этапа восточнославянского политогенеза;

5) оценить основные достижения отечественной историографии в исследовании стадияльно-типологических характеристик древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв., в том числе основные

точки зрения по вопросу о механизмах ее формирования и особенностях этнополитической структуры;

6) проследить эволюцию «праболгарской проблемы» в болгарской и российской историографиях с целью определения современного состояния исследований;

7) определить релевантность теоретической модели политогенеза, применяемой к истории Древней Руси, конкретно-историческим процессам политогенеза Болгарии;

8) на историографической основе рассмотреть специфику формирования и развития болгарской государственности дохристианского периода в условиях «двуэтничности» (конец VII – середина IX вв.), до настоящего времени недостаточно освещенную в российской исторической науке;

9) определить методом научной экстраполяции перспективы сравнительного анализа древнерусской государственности конца IX – первой половины X вв. и болгарской государственности конца VII – середины IX вв.

Хронологические рамки. В основу диссертации положены исследования «норманнской проблемы», и, шире, – проблемы «чужеродности» элит раннего средневековья, выдвигавшиеся, главным образом, в 1990-е – 2000-е гг. Однако, поскольку идейные вехи научных дискуссий этого периода во многом обусловлены теориями предшествующих эпох, обнаруживая свойства поступательно-возвратного развития, в работе присутствуют ретроспективные обращения ко взглядам и концепциям, представленным в российской и болгарской историографии, начиная со второй четверти XVIII в.

С точки зрения исторической хронологии настоящее исследование охватывает период с последней трети VII до последней четверти X вв. Исходный пункт – оседание аспаруховых праболгар в Подунавье, военные действия Византии против праболгар и мирный договор 681 г. Конечный этап – формирование основных признаков древнерусской «ранней государственности» в эпоху Владимира I.

Территориальные рамки диссертационного сочинения, охватывающие области формирования «варварской» государственности у восточных и болгарских славян, ограничиваются зоной их исторической локализации – от р. Волхов на севере и до р. Дунай на юге.

Методы исследования. В основу диссертационного исследования легли принципы, которые являются базовыми в работе историка: принцип историзма, научной достоверности, объективности. В числе общенаучных и свойственных исторической науке применяются методы анализа и синтеза, системный, историко-генетический, ретроспективный и сравнительно-исторический методы, позволяя реализовать поставленные в работе цель и задачи. Значимым методом исследования стал метод научной экстраполяции, с помощью которого удалось выявить перспективы сравнительного анализа проблемы чужеродности власти в современной историографии древнерусского и болгарского политогенеза. В качестве междисциплинарной методологической основы исследования используется понятийно-терминологический аппарат политической антропологии и этнологического конструктивизма.

Источниковая база исследования. В соответствии с поставленными целью и задачами исследование строится на изучении четырех групп источников. Критерием для классификации источников служит их видовая принадлежность.

Первую группу источников составили научные исследования по конкретно-историческим аспектам проблем древнерусского и болгарского этно- и политогенеза (монографии, сборники статей и статьи в периодических и интернет-изданиях). Из множества сочинений нами были отобраны те, которые занимают важное место в развитии историографии по интересующему нас вопросу: отличающиеся информативностью, цитируемостью, выраженной авторской позицией. В данной работе массив российских и болгарских историографических источников разделен по хронологическому принципу на пять групп: «монархическая» историография XVIII – первой половины XIX вв.; «государственническая» историография второй половины XIX – начала XX вв.;

«классическая» марксистская историография 1940-х – 1950-х гг.; «новаторская» историография 1960-х – 1980-х гг.; постсоциалистическая историография 1990-х – 2000-х гг.

Вторая группа источников представлена теоретико-методологическими исследованиями, посвященными проблемам власти в раннесредневековых обществах, и более конкретно – вопросам «чужеродности» власти в древнерусской и болгарской раннесредневековой истории. К этой группе источников относятся также работы представителей западной политической антропологии, этнологического конструктивизма и «Венской школы этнографии».

В третью группу источников вошли современные историографические работы по «норманнской» проблеме, в частности, исследования Л. С. Клейна, А. А. Хлевова, П. А. Атанова, В. В. Фомина¹⁹.

Четвертую группу источников составляют собственно исторические источники, традиционные для исследований по формированию Древнерусского и Болгарского государства: Повесть временных лет (по списку Лаврентьевской летописи), византийские сочинения (Феофана Исповедника, патриарха Никифора, Константина Багрянородного)²⁰.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Акценты в исследовании «норманнской проблемы» в 1990-е – 2000-е гг. сместились с этнических аспектов в область формирования властных структур в восточнославянском обществе, предпосылок и механизмов возникновения государства. Исследование переходного типа властных отношений

¹⁹ Клейн Л. С. Спор о варягах...; Хлевова А. А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб, 1997; Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. 151 с.; Теофан Исповедник. Хронография / перевод от В. Бешевлиев и Г. Цанкова-Петкова, увод и бележки от Г. Цанкова-Петкова // Извори за българската история. Т. 1: Гръцки извори за българската история. Ч. 3. С., 1954. С. 226 – 289; Патриарх Никифор. Бревиарий / Превод от В. Бешевлиев, увод и бележки от П. Тивчева // Извори за българската история. Т. 1: Гръцки извори за българската история. Ч. 3. С., 1954. С. 290 – 306; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

(«потестарно-политических») в Древней Руси конца IX – середины X вв. обусловило обращение российских историков к моделям государствообразования, предложенным в западной политической антропологии.

2. Перспективы развития историографии «норманнской проблемы» лежат в плоскости пересечения и синтеза трех направлений исследования: 1) возрождение и развитие концепции «варварского государства», имеющей давнюю традицию в отечественной историографии; 2) применение политантропологических моделей «суперсложного вождества», «ксенократии», «раннего государства» к древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.; 3) разработка единого общепринятого определения стадияльной и типологической принадлежности древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.

3. Период со второй половины IX до середины X вв., по признанию большинства современных отечественных исследователей, стал решающим этапом становления древнерусской государственности. В конце IX в. сформировалось восточнославянское «варварское государство» Русь, для которого было характерно сосуществование потестарных и политических структур, ориентация на преимущественно военный способ добывания избыточного продукта, а также сочетание двух неравноправных субкультур (варягов и восточных славян) в одной политической культуре.

4. Исследования «чужеродности» власти как в историографии древней болгарской истории, так и в историографии «норманнской проблемы» получают значительное развитие благодаря анализу формирования и функционирования той и другой государственности как «варварской» и «многоуровневой».

5. «Варварскую» государственность Древней Руси конца IX – середины X вв. и Болгарии конца VII – середины IX вв. прежде всего сближает способ формирования. Принципиальные различия видятся в качественных и количественных характеристиках правящего (чужеродного) элемента на Руси и

в Болгарии, отразившихся как на процессах ассимиляции, так и на трансформации обоих суперсложных вожеств в ранние государства.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его материалов и выводов при создании специальных научных трудов, лекционных курсов и спецкурсов по отечественной истории и историографии, а также при подготовке школьных учебных и методических пособий по истории России.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования получили отражение в семи научных публикациях, две из которых вышли в журналах, рекомендованных ВАК, а также – в выступлениях автора на двух международных и трех всероссийских научных конференциях.

Структура исследования также обусловлена логикой поставленных цели и задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность избранной темы, ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, хронологические рамки работы, методологические основы исследования, получает освещение степень изученности проблемы в историографии, содержится характеристика использованных в работе источников.

Первая глава ««Норманнская проблема» в современной отечественной историографии древнерусского политогенеза» представляет собой опыт комплексного исследования направлений развития современной российской историографии по «норманнской проблеме» и по вопросу о чужеродности раннесредневековой власти в целом.

В первом разделе **««Норманнская проблема» и вопрос о «чужеродности» раннесредневековой власти в современной российской историографии»** рассматривается эволюция понимания и решения

«норманнской проблемы» в отечественной историографии, анализируется потенциал современной политической антропологии для реконструкции этапов и механизмов древнерусского политогенеза; исследуется феномен раннесредневековой «ксенократии» в современной историографии; раскрывается состояние «этнического» аспекта «норманнской проблемы» на современном исследовательском этапе.

На современном исследовательском этапе этнический аспект «норманнской проблемы» теряет научную значимость и не определяет основное содержание научных дискуссий. Под влиянием идей этнологического конструктивизма и «Венской школы этнографии» в отечественной литературе все отчетливее прослеживается тенденция интерпретировать феномен «варягов-руси» как раннесредневековой этносоциальной общности «gens», со всеми присущими ей характеристиками: полиэтничностью, билингвизмом, динамичными и нечеткими этническими границами. Акценты в исследовании «норманнской проблемы» все больше смещаются в область формирования властных структур в восточнославянском обществе, предпосылок и механизмов возникновения государства. Еще в начале 1990-х гг. в отечественной историографии норманнской проблемы утвердилось представление о том, что Древняя Русь конца IX – XI вв. не принадлежала ни к одной из известных формаций, однако обладала рядом черт, свойственных государству. Дальнейшими исследованиями этих черт было продиктовано обращение к моделям государствообразования, предложенным в западной политической антропологии.

В данном направлении отмечаются три основные тенденции: 1) стремление подчеркнуть общий для Древней Руси и Западной Европы путь становления государственности в эпоху раннего средневековья, что нашло выражение в концепции «варварского государства»; 2) попытки определить стадиальную и типологическую принадлежность древнерусской государственности с точки зрения общеисторических закономерностей политогенеза, что привело к переносу политантропологических моделей

«вождества» и «раннего государства» на древнерусскую почву, а также применению понятий «суперсложное вождество» («мультиполития») и «ксенократия» к древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.; 3) необходимость синкретически осмыслить специфику генезиса Древнерусского государства способствовала разработке в отечественной историографии таких определений как «дружинное», «двухуровневое», «надплеменное», «потестарное», «федеративное» государство применительно к концу IX – середине X вв.

Выделяются несколько точек соприкосновения этих трех областей исследования. В первую очередь, внимание исследователей сконцентрировано на переходном этапе от первобытной эпохи к государственной, и, следовательно, на переходном характере властных отношений от потестарных к политическим. Во-вторых, все три подхода объединяет признание «многоуровневости», сложного характера властных структур в раннесредневековых политиях, образованных путем захвата власти в земледельческих областях иноплеменной верхушкой. В-третьих, все концепции древнерусского государствогенеза отмечают иерархичность системы власти, что влекло за собой и этно-территориальную субординацию. Исследователи часто характеризуют ее как «деление на центр и периферию», «административный дуализм», «имперское» или «федеративное» устройство. Дальнейшие перспективы развития историографии «норманнской проблемы», на наш взгляд, будут лежать в плоскости пересечения и синтеза, трех рассмотренных направлений исследования.

Во втором разделе **«Норманнская проблема» и дискуссии о стадияльно-типологическом развитии древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.»** систематизируется основное содержание современных дискуссий о стадияльно-типологическом развитии древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв., а именно: о специфике догосударственного этапа восточнославянского

политогенеза, о механизмах формирования, функционирования и трансформации древнерусской «варварской» государственности.

В современной отечественной историографии утвердилось представление о том, что во второй половине IX в. сформировалось восточнославянское «варварское государство» Русь («Росия» византийских источников), характерными чертами которого являлось сосуществование потестарных и политических структур, ориентация на преимущественно военный способ добывания избыточного продукта. Всесторонне исследуются «договорные» и «правовые» механизмы формирования Древнерусской «варварской» государственности конца IX в., а также их соотношение с фактором «завоевания» на Севере и Юге восточнославянских земель. Значение военного фактора в процессах раннесредневекового политогенеза наиболее полно раскрывает политантропологическая модель «вождества», в частности, схема консолидации нескольких сложных вождеств в единую потестарно-политическую структуру – суперсложное вождество. Вследствие «наложения» одной этносоциальной общности на другую на восточнославянских территориях в конце IX в. произошла фиксация на определенное время этнических границ средствами власти. Специфической чертой этой расширенной и стратифицированной политики стало сочетание двух неравноправных субкультур в одной политической культуре.

Исследование показало, что интерпретации древнерусского политогенеза, совершаемые благодаря «решеткам прочтения» концепции «варварских государств» и политантропологической модели «суперсложного вождества», во многом совпадают. В первую очередь это относится к анализу «многоуровневости» государственного устройства – распределения долей власти между «федеральным» и «местным» уровнями и, как следствие, дуалистической территориальной структуры. Общим местом отечественной историографии давно стало признание значительного влияния «чужеродного» фактора на темпы и масштабы раннесредневекового политогенеза. Однако роль «внешнего импульса» этими функциями не исчерпывалась: условия и характер

взаимодействия двух «варварских» культур во многом предопределяли этнопотестарную и административно-территориальную специфику политий, формирующихся в «контактных зонах». В этой связи одной из актуальных исследовательских задач становится поиск стадияльно-типологических аналогий процессам формирования и особенностям административно-территориальной структуры древнерусской «варварской» государственности. Сходные с Древней Русью конца IX – середины X вв. тенденции и направления развития «варварского государства» можно выявить при анализе процессов болгарского политогенеза конца VII – первой половины IX вв. (в частности, сохранение на определенное время «нижнего» уровня власти как результата «варварского» синтеза). Сравнительно-исторические наблюдения будут способствовать выработке новых решений проблемы чужеродности власти в раннесредневековых обществах.

Вторая глава «Проблема «чужеродности» власти в современной историографии болгарского государствогенеза: возможности для компаративного анализа» посвящена проблеме чужеродности власти в современной историографии болгарского государствогенеза и выявлению возможностей сравнительного анализа древнерусской государственности конца IX – первой половины X вв. и болгарской государственности конца VII – середины IX вв.

Первый раздел **««Праболгарская проблема» в современной болгарской и российской историографии»** раскрывает содержание «праболгарской проблемы» в болгарской и российской историографии: ее эволюцию и современные исследовательские тенденции.

В содержании «праболгарской проблемы», одной из наиболее актуальных проблем современной болгарской историографии, подобно российским исследованиям «норманнской проблемы», отчетливо выделяются «этнический» и «политический» аспекты. При этом политически ангажированные дискуссии об этнической принадлежности праболгар подчас не проясняют, а затрудняют исследование вопроса о соотношении внешних и внутренних факторов в

раннесредневековом болгарском политогенезе. Между тем, исследования «чужеродности» власти как в историографии древнеболгарской истории, так и в историографии «норманнской проблемы» получают значительное развитие благодаря анализу формирования и функционирования той и другой государственности как «варварской» и многоуровневой. Ключевые характеристики болгарского суперсложного вожества конца VII – первой половины IX вв., намеченные в зарубежной и отечественной историографии, дают возможность проанализировать на историографическом материале динамику развития «варварской» государственности и ее дальнейшую трансформацию в раннее государство на Руси и в Болгарии, измерив, тем самым, эвристический потенциал теоретической модели, рассмотренной в первой главе.

Во втором разделе **«Особенности формирования и развития древнеболгарского государства в условиях «двуэтничности»»** рассматриваются особенности формирования и развития болгарской государственности дохристианского, «варварского» периода (конец VII – середина IX вв.), мало представленного в русскоязычной исторической литературе. Кроме того, в данном разделе работы проводится анализ сложившихся в историографии подходов к изучению формирования и развития болгарской «варварской» государственности конца VII – IX вв. с целью установить релевантность теоретической модели политогенеза, применяемой к истории Древней Руси и исследованной в первой главе, конкретно-историческим процессам политогенеза Болгарии.

В современной историографии ни славянский союз «Семь родов», ни переместившееся из Приазовья в Подунавье объединение Аспаруха не рассматриваются как государственные образования. Взаимодействующие группы не обладали сложившимся государственным аппаратом, что способствовало формированию в конце VII в. новой политической структуры в рамках контактной зоны Нижнего Подунавья. Завоевание власти праболгарами в южнославянском обществе, социально более дифференцированном, стало

возможно благодаря военному превосходству праболгар, а длительное сохранение власти иноземцами – благодаря частичному совпадению интересов праболгар и славян и возможности использовать праболгарскую воинскую силу для защиты интересов славянских общин. Праболгары хана Аспаруха, равно как и варяги Рюрика и Олега, представляли собой общности, для которых войны и грабительские набеги стали не просто «сезонным» занятием, дававшим необходимые «ксенократические» ресурсы, но и одним из способов институционализации государственной власти «варварского» уровня. Ни «русы», ни праболгары не принесли в славянские земли государственной экспансии и смогли выступить в качестве организующей внешней силы. Формирование болгарской «варварской» государственности в конце VII в. и древнерусской – в конце IX в. стало результатом синтеза этносоциальных структур, каждая из которых в отдельности до момента их глубокого взаимодействия еще не столкнулась с необходимостью возникновения государственных форм.

«Варварскую» государственность Древней Руси конца IX – середины X вв. и Болгарии конца VII – середины IX вв. прежде всего сближает способ формирования – завоевание территорий с земледельческим славянским населением пришедшей этносоциальной группой, оторванной от мест прежнего обитания. При этом в обоих случаях имели место не только военные, но и «договорные» механизмы институционализации власти: и восточнославянские, и южнославянские союзы (славинии) обозначены в византийских источниках «пактиотами» чужеземцев – русов и праболгар. Как варяги, так и праболгары в численном отношении значительно уступали подвластному им славянскому обществу, и с течением времени неизбежно подверглись славянизации. Синтез славянских и «чужеродных», привнесенных институтов и в Болгарии, и на Руси имел место преимущественно не в социально-экономической, а в военно-политической сфере, в то время как в основу социально-экономического базиса молодых «варварских» государств в обоих случаях был положен славянский хозяйственно-культурный тип.

Принципиальное различие формирования и развития «ксенократического», «варварского» государства в Болгарии и на Руси видится в масштабе господствующих «пришлых» групп, воплощавших верхний эшелон складывающейся политической структуры (то есть построенной уже по правилам господства/подчинения). На примере восточноевропейской истории середины IX в. представлены, по существу, действия микроэтнической группы: отдельный коллектив «принял» в качестве правителя иноплеменника и, соответственно, его клан. В южнославянских землях в роли правящей надстройки выступил целостный этносоциальный организм. Древнерусская «ксенократия» отличалась от болгарской не только меньшей численностью «верхнего уровня» власти, но и его большей корпоративной сплоченностью и скорее социальной, чем этнической природой. В отличие от варягов, рядовые праболгары не принадлежали к господствующему, привилегированному слою: общество аспаруховых праболгар было гораздо более дифференцированным. Из этих отличий в «количественных» и «качественных» характеристиках чужеродной элиты проистекали и отличия в процессах ассимиляции и в продолжительности существования «варварской» государственности. Можно предположить также, что «количественный» фактор predeterminedил и несколько более жесткие условия «пакта» праболгар и южных славян, и гораздо более ограниченное действие «договорных» механизмов формирования болгарской государственности, нежели древнерусской.

Заключение содержит обобщение результатов проведённого исследования.

Рассмотренный историографический материал позволяет говорить о том, что основное содержание дискуссий по «норманнской проблеме» определяет комплекс вопросов, связанных с формированием властных структур в восточнославянском обществе, предпосылок и механизмов возникновения государства. Сходные с Древней Русью конца IX – середины X вв. тенденции и направления развития «варварского государства» удалось выявить при анализе процессов болгарского политогенеза конца VII – первой половины IX вв.

Результатом «варварского синтеза» в обоих случаях стало сохранение на определенное время «нижнего» (славянского) уровня власти, что нашло выражение в формировании яркой этно-территориальной специфики (деления на «внешние» и «внутренние» земли, «административного дуализма» – временной фиксации этнических границ средствами власти).

Место и время обусловили специфику регионов, однако налицо целый ряд общих черт социально-политической «варварской» организации Древней Руси конца IX – первой половины X вв. и Болгарии конца VII – середины IX вв. Все рассмотренные сходные черты позволяют с определенной долей уверенности сопоставлять ранние страницы древнерусской и болгарской государственности как типологически и стадияльно близкие. Возможность сравнить аналогичные линии и тенденции развития в различных регионах славянского мира, в свою очередь, может стать существенным подспорьем историку в условиях недостатка письменных источников и фрагментарности археологических данных (особенно древнерусских). Вместе с тем, разработка данных вопросов представляется актуальной и потому, что в трудах как российских, так и болгарских исследователей используется целый спектр терминов (порой взаимоисключающих) для обозначения подобных потестарно-политических структур.

Подводя итог, можно констатировать, что исследования «чужеродности» власти в историографии «норманнской проблемы» получают значительное развитие благодаря анализу формирования и функционирования государственности как «варварской» и многоуровневой. Ключевые характеристики древнерусского «варварского государства» конца IX – первой половины X вв., намеченные в современной отечественной историографии, дают возможность проанализировать в сопоставительном плане динамику развития «варварской» государственности и ее дальнейшую трансформацию в раннее государство на Руси и в Болгарии, измерив, тем самым, эвристический потенциал рассмотренной теоретической модели. Сравнительно-исторические

наблюдения, в свою очередь, будут способствовать выработке новых решений проблемы чужеродности власти в раннесредневековых обществах.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Каратовская, В. В. Перспективы историко-психологической интерпретации варяжского вопроса (в контексте анализа современной учебной литературы) [Текст] / В. В. Каратовская // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 9 (99). Томск, 2010. С. 114 – 119 (0,65 п. л.).

2. Каратовская, В. В. Норманнская проблема и отечественная художественная литература [Текст] / В. В. Каратовская // Вестник Томского государственного университета. № 347 (июнь 2011). Томск, 2011. С. 75 – 78 (0,56 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

3. Каратовская, В. В. Изменение исторического сознания современного российского общества в фокусе решения «норманнской проблемы» [Текст] / В. В. Каратовская // История идей и история общества. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2010. С. 228 – 230 (0,17 п.л.).

4. Каратовская, В. В. К вопросу о перспективах историко-психологической интерпретации норманнской проблемы [Текст] / В. В. Каратовская // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. С. 148 – 150 (0,16 п.л.).

5. Каратовская, В. В. Варяжский вопрос в зеркале массового исторического сознания современного российского общества [Текст] / В. В. Каратовская // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской

научной конференции (14 – 15 апреля 2011 г.) Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2011. С. 304 – 306 (0,2 п.л.).

6. Каратовская, В. В. Проблема раннесредневековой ксенократии в свете идей этнологического конструктивизма [Текст] / В. В. Каратовская // Актуальные проблемы гуманитарных наук. X Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (21-22 апреля 2011). Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2011. С. 339 – 341 (0,25 п.л.).

7. Каратовская, В. В. Проблема «чужеродности» раннесредневековой власти с позиций современной политической антропологии [Текст] / В. В. Каратовская // VII Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 - 1985). Материалы Международной научной конференции (21 апреля 2011г.). Новокузнецк: РИО КузГПА, 2011. С. 99 - 102 (0,33 п.л.).